

Н.С.Лесков. Чертогон

Собрание сочинений в 11 томах. Т. 6.

М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957

ОСР Бычков М.Н.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это обряд, который можно видеть только в одной Москве, и притом не иначе как при особом счастье и протекции.

Я видел чертогон с начала до конца благодаря одному счастливому стечению обстоятельств и хочу это записать для настоящих знатоков и любителей серьезного и величественного в национальном вкусе.

Хотя я с одного бока дворянин, но с другого близок к "народу": мать моя из купеческого звания. Она выходила замуж из очень богатого дома, но вышла уходом, по любви к моему родителю. Покойник был молодец по женской части и что намечал, того и достигал. Так ему удалось и с мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кроме, разумеется, гардеробу, постелей и божьего милосердия, которые были получены вместе с прощением и родительским благословением, навеки нерушимым. Жили мои старики в Орле, жили нужно, но гордо, у богатых материных родных ничего не просили, да и сношений с ними не имели. Однако, когда мне пришлось ехать в университет, матушка стала говорить:

- Пожалуйста, сходи к дяде Илье Федосеевичу и от меня ему поклонись. Это не унижение, а старших родных уважать должно, - а он мой брат, и к тому благочестив и большой вес в Москве имеет. Он при всех встречах всегда хлеб-соль подает... всегда впереди, прочих стоит с блюдом или с образом... и у генерал-губернатора с митрополитом принят... Он тебя может хорошему наставить.

А я хотя в то время, изучив Филаретов катехизис, в бога не верил, но матушку любил, и думаю себе раз: "Вот я уже около года в Москве и до сих пор материной воли не исполнил; пойду-ка я немедленно к дяде Илье Федосеевичу, повидаясь - снесу ему материн поклон и взаправду погляжу, чему он меня научит".

По привычке детства я был к старшим почтителен - особенно к таким, которые известны и митрополиту и губернаторам.

Восстав, почистился щеточкой и пошел к дяде Илье Федосеевичу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Было так часов около шести вечера. Погода стояла теплая, мягкая и сероватая - словом, очень хорошо. Дом дяди известен, - один из первых домов в Москве, - все его знают. Только я никогда в нем не был и дядю никогда не видал, даже издали.

Иду, однако, смело, рассуждая: примет - хорошо, а не примет - не надо.

Прихожу на двор; у подъезда стоят кони-львы, сами вороные, а гривы рассыпные, шерсть как дорогой атлас лоснится, а заложены в коляску.

Я взошел на крыльцо и говорю: так и так-я племянник, студент, прошу доложить Илье Федосеевичу. А люди отвечают:

- Они сами сейчас сходят - едут кататься.

Показывается очень простая фигура, русская, но довольно величественная, - в глазах с матушкой есть сходство, но выражение иное, что называется - солидный мужчина.

Отрекомендовался ему; он выслушал молча, тихо руку подал и говорит:

- Садись, поедемся.

Я было хотел отказаться, но как-то замялся и сел.

- В парк! - велел он.

Львы сразу приняли и понеслись, только задок коляски подпрыгивает, а как за город выехали, еще шибче помчали.

Сидим, ни слова не говорим, только вижу, как дядя себе цилиндр краем в самый лоб врезал, и на лице у него этакая что называется плюмса, как бывает